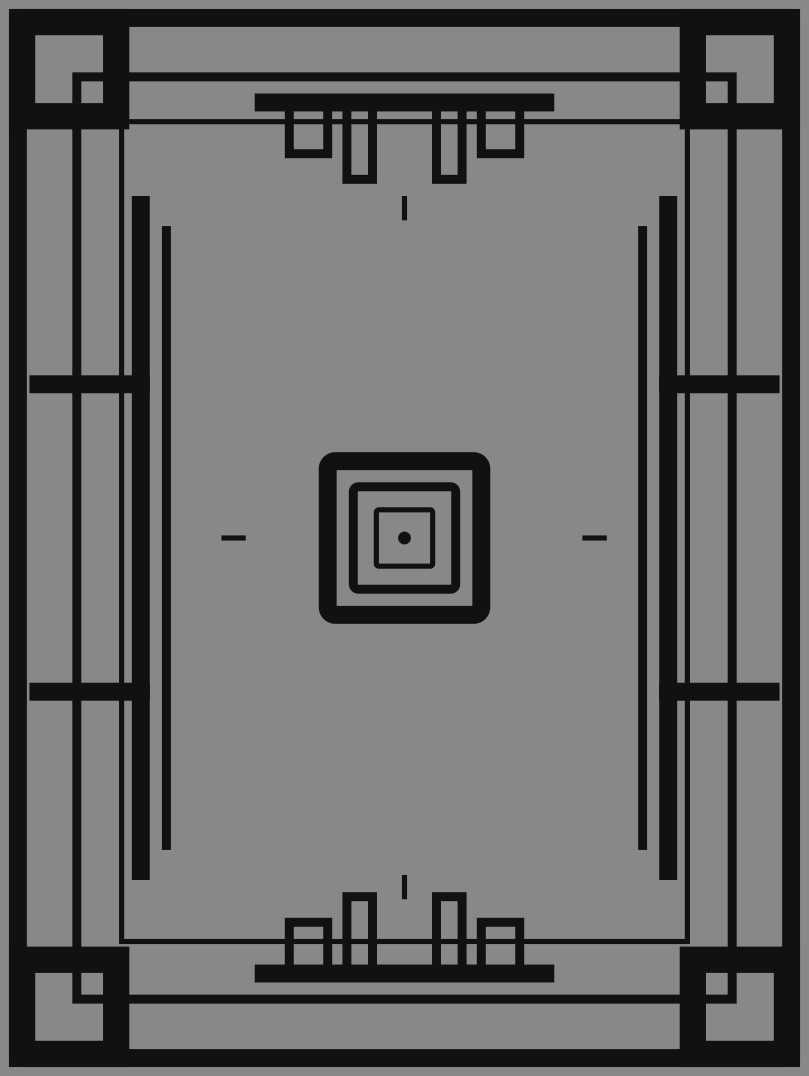

Поединок

Уильям Гибсон, Майкл Суэнвик

Гибсон Уильям & Суэнвик Майкл. Поединок

Гибсон Уильям & Суэнвик Майкл
Поединок

Уильям Гибсон, Майкл Суэнвик

Поединок

Перевод: В. Ахметьева, Е. Летов

Он собирался ехать и ехать, не останавливаясь, прямиком во Флориду. Завербоваться на шхуну контрабандистов оружием; глядишь, и прибьет ветром к армии каких-нибудь вонючих повстанцев из очередной горячей точки. С таким билетом, как у него, он был как вечный скиталец, прикованный к своему кораблю - "Летучему Голландцу" от компании "Грейхаунд", В холодном засаленном стекле, на фоне огней деловой части Норфолка, угрюмо скалилось его слабое отражение. Водитель лихо завернул за последний угол, автобус устало закачался на продавленных рессорах и, отчаянно дребезжа, остановился на сером бетоне привокзальной площади, унылой, как тюремный двор. Однако Дейк, прижавшись щекой к стеклу, видел совсем другое: как его, голодного, окончательно замораживает налетевший откуда-нибудь из Освего буран - и на следующей остановке ворчливый старик-уборщик в замызганной спецовке выметает из салона задубевшие останки. Ладно, решил Дейк, так или иначе переживу. Вот если бы только не ноги, которые, казалось, уже умерли. Водитель тем вре-

менем объявил двадцатиминутную остановку: "Станция Тайдуотер, Вирджиния". Автовокзал, будто перенесенный из прошлого века, представлял собой старое шлакоблочное строение с двумя входами в каждый зал ожидания.

На деревянных ногах Дейк с трудом выполз из автобуса и привидением завис близ галантерейного прилавка, но чернокожая девчонка бдительно, словно собственную задницу, защищала жалкое содержимое старой стеклянной витрины. Вероятно, так оно и есть, подумал Дейк и отвернулся. Напротив туалетов была открытая дверь в заведение, предлагавшее посетителям "ИГРЫ", - вывеска была сделана из биофлюоресцентной пластмассы и слабо мерцала. Внутри Дейк заметил толпу местных бездельников, сгрудившихся вокруг бильярдного стола. Бесцельно, окутанный скукой словно облаком, он сунулся в дверь. И сразу увидел крошечный биплан с крыльями не длиннее пальца, охваченный ярко-оранжевым пламенем. Кувыркаясь в "штопоре", оставляя длинный хвост дыма, он падал на стол, а затем, коснувшись зеленого сукна стола, мгновенно исчез.

- Так его, Крошка! - взревел один из болельщиков. - Уделай этого сукина сына!

- Эй! - позвал Дейк.- Что происходит?

- Крошка защищает свой "Макс", - сказал, не отводя глаз от стола, ближайший болельщик - тощий, как жердь, в черной сетчатой кепке с надписью "Питербилт".

- Да? Ну и что? - но, спрашивая, Дейк уже знал ответ - голубой эмалированный мальтийский крест с круговой надписью "Pour le Merite".

"Голубой Макс" лежал на краю стола - прямо перед громадной, совершенно неподвижной тушей, втиснутой в хрупкое на вид кресло из хромированных трубок. Исполинская рубашка цвета хаки обтягивала могучий торс так плотно, что пуговицы, казалось, вот-вот с треском полетят в разные стороны. "Полицейский с Юга, - подумал Дейк, - вроде тех, на кого постоянно натыкаешься по дороге". Крошка был из той странной тяжеловесной породы людей, чьи тонкие ноги, казалось, принадлежат чужому телу. Если бы он встал, то его джинсы пятидесятого размера только со стальным ремнем удержали бы эти фунты расползшегося жира. Но это если бы он мог подняться Дейк увидел, что блестящее сооружение, на котором сидит Крошка, кресло-каталка, На лице этого человека сохранилось беспокойно-детское выражение; отталкивающе

юные и даже красивые черты были похоронены в складках одутловатых щек и подбородка. Дейк смущенно отвел глаза. Боец с другого края бильярдного стола - тонкогубый, с густыми баками - непрерывно щурился и, гримасничая, как будто вымаргивал соринку из глаза...

- Тебе чего, деревня? - мужик в кепке повернулся и, сверкнув для начала медными браслетами, схватил Дейка за лацканы куртки. - Здесь не нужны болваны вроде тебя. - Он опять уставился на сражение.

Заключались обычные в таких случаях пари, делались ставки. Болельщики вытаскивали заначки - старые добрые рузвельтовские даймы и доллары с изображением статуи Свободы, некоторые, поосторожнее, выкладывали на стол антикварные бумажные купюры, заклеенные в пластик. Вдруг в дымке появилось ровно летящее трио крошечных красных самолетиков. "Фоккеры Д-VII". Комната мгновенно затихла. "Фоккеры" величественно совершили вираж под двухсотваттным электрическим солнцем.

Словно ниоткуда вынырнул голубой "спад". От скрытого дымным сумраком потолка отделились еще два. Болельщики возбужденно загалдели, один дико заржал. Строй красных аэропланов

в беспорядке распался. Один "фоккер" нырнул прямо к зеленому сукну стола, но "спад" цепко висел у него "на хвосте". Красный "фоккер" носился возле самой поверхности сумасшедшими зигзагами, но безуспешно - "спад" не отставал. Наконец "фоккер" ринулся вверх, противник бросился за ним, но не рассчитал, взял слишком круто и потерял скорость; высота была слишком маленькой, чтобы не упасть.

Кто-то получил кучу звонких серебряных монет.

"Фоккеры" получили преимущество. У одного из них "на хвосте" держались два "спада". Мимо аэропланчика пронеслась тончайшая цепочка трассирующих пуль. "Фоккер" скользнул вправо, сделал "иммельман", оказался позади одного из своих преследователей, тут же открыл огонь - и голубой биплан, кувыркаясь, пошел вниз.

- Так держать, Крошка! - болельщики возбужденно придвинулись прямо к столу. Дейк замер в восхищении. Он чувствовал, что рождается заново.

"Мелочная торговля Фрэнка" была на платном грузовом шоссе всего в двух милях от города, Дейк узнал это, когда, по своей любознательности, отстал от автобуса. Теперь он возвращался пешком

мимо машин и бетонных ограждений. С грохотом проносились огромные восьмиосные грузовики с прицепами и обдавали его вихрем, грозящим разорвать в клочья. Придорожные магазинчики были устроены просто. Кругом не было ни души, и Дейк, не торопясь, стал потрошить лавочку.

Интересовавший его стеллаж с компьютерными играми находился между корейскими ковбойками и витриной с грязевыми щитками "Фазз Бастер". Над проволочным стеллажом в воздухе медленно кружилась парочка то ли дерущихся, то ли спаривающихся восточных дракончиков. Наконец Дейк увидел нужную упаковку с надписью "СПАДЫ И ФОККЕРЫ". Чтобы выудить ее, ему понадобилось три секунды. А чтобы отключить сигнализацию с помощью магнита, который фараоны из округа Колумбия даже не подумали конфисковать, - еще меньше.

Перед уходом Дейк прихватил пару программаторов и вспомогательное устройство дистанционного управления фирмы "Батанг", похожее на старинный слуховой аппарат.

В наобум выбранном доходном доме Дейк для начала подмазал управляющего. Он всегда так делал с тех пор, как оказался не в ладах с законом. Впрочем, обычно жильцами никто не

интересовался, государство волновало только количество занятых помещений и внесенная арендная плата.

В отведенной ему комнатенке воняло мочой, а стены были сплошь исцарапаны лозунгами экстремистского анархического Фронта Освобождения. Дейк выгреб из угла хлам, сел, прислонившись к стене, и разорвал упаковку игры.

Там были: инструкция с диаграммами "мертвых петель", "бочек" и "иммельманов", тюбик с проводящей пастой и список управляющих команд для компьютера. С одной стороны белой пластиковой дискеты была картинка с голубым бипланом, с другой - с красным. Дейк повертел ее в руках: "СПАДЫ И ФОККЕРЫ", "ФОККЕРЫ И СПАДЫ". Красное и голубое.

Дейк укрепил за ухом "Батанг", смазал поверхность индуктора пастой, подсоединил к программатору оптоволоконный провод, включил программатор в стенную розетку. Потом вставил в программатор дискету. Аппарат был дешевый, индонезийский, и при запуске программы в затылке неприятно зажужжало. Но когда все было сделано, в нескольких дюймах от лица беспокойно заметался небесно-голубой "спад". Он сверкал почти как настоящий. Подобно

большинству тщательно проработанных музейных моделей, аэроплан обладал таинственной внутренней достоверностью, но удержать его в поле зрения можно было, лишь максимально концентрируясь. Как только внимание рассеивалось, настройка сбивалась, нарушалась передача образа, и крохотный биплан расплывался в туманное пятно.

Дейк тренировался, пока в "Батанге" не села батарейка, затем откинулся к стене и мгновенно уснул. Ему снилось, что он летит в безбрежно-голубом небе среди белых облаков, вдали от земных забот, недоступный превратностям судьбы.

Он проснулся от сильного запаха жареных лепешек с крилем - и его затрясло от голода. Денег больше не было. Впрочем, в доме наверняка жило много студентов. Кто-нибудь обязательно заинтересуется программатором. Дейк с надеждой направился в холл. Неподалеку он увидел дверь с транспарантом: "А ОТЛИЧНАЯ ЖЕ ВСЕЛЕННАЯ ПО СОСЕДСТВУ!" Ниже, поверх вдохновенного плаката "космической колонии", которую начали строить, когда он еще только родился, был наклеен постер звездной россыпью разноцветных пилюль - реклама какой-то фармацевтической компании. "ИДЕМ!" - приглашала надпись над

завораживающим коллажом.

Он постучал. Дверь слегка приоткрылась, удерживаемая цепочкой, и в двухдюймовую щель выглянуло девичье лицо.

- Да?

- Вы, видно, думаете, что эта штука ворованная, - он перекладывал программатор с ладони на ладонь. - Наверное, потому, что она, этакая виртуальная вишенка, совсем новенькая, даже упаковка не распечатана. Послушайте. Я не стану спорить. Нет. Я просто хочу сказать, что она стоит вполовину дешевле, чем где-либо еще.

- Да ну? Неужели? Без дураков? - на губах девушки заиграла странная улыбка. Она медленно протянула руку ладонью вверх. Прямо к его носу.

- Глянь-ка!

В ладони была дыра, черный туннель, уходящий вверх по руке. Два маленьких красных мерцающих огонька. Крысиные глазки! Они бросились к нему, по пути вырастая. Что-то серое мелькнуло и прыгнуло ему прямо в лицо.

Дейк в испуге закричал, пытаясь заслониться руками, поскользнулся и упал прямо на программатор.

Сжимая голову руками, он забился в судорогах - и во все стороны брызнули кремниевые оскол-

ки. Ему было больно, так больно...

- Ах, боже ты мой! - цепочка звякнула, и девушка воспарила над ним. Эй! Послушай, давай вставай! - она взмахнула голубым полотенцем. - Хватайся за него, я тебя подниму.

Дейк смотрел на нее сквозь пелену слез. Студентка. Взгляд этакой зануды, не по размеру большой свитер, зубы такие ровные и белые, что могли бы служить вместо справки о кредите. Тонкая золотая цепочка на одной из лодыжек, покрытой (он увидел) по-детски мягкими волосками. Изысканная японская стрижка. Да, тут водились деньжата.

- Эта штуковина могла стать моим обедом, - удрученно сказал Дейк. Он схватился за полотенце, и девушка помогла ему подняться.

Она улыбнулась ему, но настороженно отодвинулась.

- Разреши мне исправиться. Хочешь есть? Это же был учебный проект, только и всего. Понял?

Напряженно, словно зверь, входящий в клетку, Дейк последовал за ней.

- Ни хрена себе! - восхищенно произнес Дейк. - Это же натуральный сыр...

Он сидел на продавленном диване, втиснувшись между четырехфутовым плюшевым

медведем и кучей дискет. Комната была по щиколотку завалена книгами, одеждой и бумагами. А еда, над которой колдовала девушка, явилась прямо из "Тысячи и одной ночи" - сыр "Гауда", консервированная говядина, и - честное слово! - потрясающе вкусные вафли из настоящей пшеницы.

- Ну как, - спросила она, - мы можем угодить рабочему парню?

Ее звали Нэнси Беттендорф. Ей было семнадцать. Ее предки - жадные пердуны - вкалывали день и ночь, чтобы она, единственная цель всех усилий Уильяма и Мэри, ни в чем не нуждалась. Она училась на инженера в колледже, по всем предметам на "отлично", кроме английского.

- У тебя, наверное, пунктик такой - крысы? Нечто вроде фобии? спросила Нэнси.

Дейк мельком взглянул на кровать - очень-очень низкую, едва возвышавшуюся над полом.

- Да нет, в общем-то. Это кое-что мне напомнило, только и всего.

- Что напомнило? - она присела на корточки, свитер задрался, открывая гладкое матовое бедро.

- Ну... ты когда-нибудь видела... - голос его невольно повысился, он комкал концы фраз,

- памятник Вашингтону? Ночью? Там наверху есть два маленьких... красных огонька... вроде авиационных маяков, и я... и я... неожиданно его затрясло.

- Ты боишься памятника Вашингтону?

Нэнси взвизгнула, повалилась на спину и залилась хохотом, дрыгая длинными загорелыми ногами. На ней были малиновые трусики.

- Я лучше умру, чем еще раз на него посмотрю, - медленно произнес Дейк.

Нэнси перестала смеяться, села и принялась изучать его лицо. Она побледнела и стала напряженно покусывать нижнюю губу. Похоже, она выкопала что-то такое, о чем думать не хотела. Наконец Нэнси отважилась на вопрос:

- Ты закодирован?

- Да, - горько сказал Дейк. - Они сказали, я никогда не смогу вернуться в округ Колумбия. И еще эти сволочи смеялись...

- За что они тебя?

- Я вор. - Он не стал уточнять, что специализировался на магазинных кражах.

- Куча старых компьютерщиков угробила жизнь на программирование машин. И знаешь? Оказалось, человеческий мозг ничем не похож на эти чертовы машины. Его нельзя так же про-

граммировать.

По сотням холодных и пустых ночей, проведенных в незнакомых компаниях, Дейк знал этот безумный истерический треп, бесконечную болтовню, которую одиночество навязывает своему редкому слушателю. Нэнси несло, а Дейк, зевая и поклевывая носом, гадал, сможет ли он не уснуть сразу, когда, в конце концов, они окажутся на ее кровати.

- Я сама сделала эту игрушку, которая так тебя испугала, - сказала девушка, подтягивая колени к подбородку. - Это для простаков. Она как раз оказалась со мной, и я сунула ее тебе под нос. Мне стало так смешно, когда ты старался всучить мне этот фиговый индонезийский программатор. - Она наклонилась и опять вытянула руку. - Смотри.

Дейк инстинктивно съежился.

- Да нет, это не страшно! Ей-богу, это совсем другое! - она раскрыла ладонь.

На ладони переливался совершенный, идеальной формы, цветок голубого пламени.

- Взгляни на это, - восхищалась девушка. - Ты только взгляни. Я сама его запрограммировала. Это не какой-нибудь пустячок, использующий семь образов. Программа длится два часа, семь

тысяч двести секунд, и за этот период ни один образ не повторяется дважды, каждое мгновение индивидуально, как снежинка!

В глубине пламени сверкал прозрачный кристалл. Его грани вспыхивали, плыли, пропадали, переходя в яркие, режущие глаза образы. Дейк недовольно поморщился. По большей части люди. Хорошенькие голенькие человечки, занимающиеся любовью.

- Черт подери, как ты это сделала?

Девушка встала, переступая босыми ногами между кип глянцевых журналов, подошла к грубой фанерной полке и картинным жестом смела оттуда кипу распечаток. Дейк увидел ряд аккуратных маленьких консолей, выглядевших очень дорого. Штучная работа, спецзаказ!

- У меня здесь собрано неплохое оборудование. Визуализатор образов. Модуль быстрой очистки памяти. А это анализатор, полностью имитирующий человеческий мозг. - Нэнси выпевала сложные названия, как литанию. Квантовый импульсный стабилизатор. Коммутатор программ. Генератор образов...

- И тебе нужно все это, чтобы сделать одно маленькое пламя?

- А как же! Все это - самый совершенный ком-

плекс для ветвэр-программирования. Он на несколько лет опережает все, что ты когда-нибудь видел.

- Эй, - сказал Дейк. - А знаешь ли ты что-нибудь о "Спадах и фоккерах"?

Она засмеялась. Он понял, что время подходящее, и взял ее за руку.

- Не прикасайся ко мне, твою мать, никогда меня не трогай! неожиданно закричала Нэнси и так сильно откинулась назад, что ударилась головой о стену. Она была бледна и тряслась от ужаса.

- О'кей! - Он поднял руки вверх. - О'кей! Я к тебе не подхожу. Теперь все в порядке?

Нэнси снова от него шарахнулась. Из округленных немигающих глаз по бледным щекам потекли слезы. Наконец она покачала головой:

- Эй, Дейк! Извини! Мне надо было тебе сразу сказать.

- Что? - у него появилось смутное чувство... он догадывался. Она так обхватывала голову. Судорожно сжимала и разжимала ладони... - Ты тоже закодирована?

- Да. - Она закрыла глаза. - Замок девственности. Эти жопы - мои предки - заплатили и за это. Теперь я не выношу, когда кто-нибудь прикасается ко мне или даже подходит слишком близко. - Она

открыла глаза: в них пылала слепая ненависть. - Я даже ничего не делала. Ничего такого. Но они так вкалывают, так мечтают, чтобы я сделала карьеру в деле, в котором они ни черта не смыслят. Они, видите ли, боятся, что секс и наркотики отвлекут меня от учебы. Но в тот самый день, когда закончится кодирование, я трахнусь с самым грязным, вонючим, лохматым...

Девушка опять судорожно обхватила руками голову. Дейк бросился к аптечке. Там он нашел банку с витамином В, прикарманил горсть, а две таблетки и стакан воды принес Нэнси.

- На. - Дейк старался сохранять дистанцию. - Это тебе поможет.

- Да, да, - ответила она. Затем едва слышно добавила: - Ты, конечно, считаешь меня дурочкой.

Игровой зал на автобусной станции "Грейхаунд" был почти пуст. Одинокий четырнадцатилетний подросток, открыв рот, склонился над консолью, маневрируя радужными флотилиями подводных лодок в сумрачных глубинах Северной Атлантики.

Неторопливо вошел Дейк и прислонился к зеленой кафельной стене. Он был одет соответственно моменту: отмыл краску от своей робы, раздобыл в благотворительной конторе джинсы

и футболку и позаимствовал в раздевалке при сауне пару крепких башмаков.

- Не видел Крошку, приятель?

Подводные лодки метались, как неоновые гуппи.

- Смотря кто его спрашивает.

Дейк коснулся "Батанга" за левым ухом. Прямо над консолью скользнул быстрый и изящный, как стрекоза, "спад". Самолетик был прекрасен: такой совершенный, такой реальный, что комната казалась иллюзией. Дейк приподнял аэроплан и провел его в миллиметре от стекла.

Парень даже бровью не повел.

- Он в "Джекмане", - сказал он. - Это на Ричмондском шоссе, над "излишками".

Дейк позволил "спаду" растаять прямо во время набора высоты.

"Джекман" занимал почти весь третий этаж старого кирпичного дома. Сначала Дейк нашел "Дешевую распродажу армейских излишков", а затем побитую неоновую вывеску над неосвещенным коридором. Тротуар перед фасадом заполняли излишки совсем иного рода - изувеченные ветераны. Некоторые воевали еще в Индокитае. Старики, потерявшие глаза под азиатским солнцем, сидели бок о бок с трясу-

щимися мальчишками, которые нанюхались микотоксинов в Чили. Дейк почувствовал сильное облегчение, когда за ним мягко закрылись двери лифта.

Пыльные часы "Доктор Пеппер" в дальнем конце длинной призрачной комнаты показывали четверть восьмого. "Джекман", подернутый желтоватым налетом никотина, пропитанный запахами политуры и бриолина, оставался таким же, как и за двадцать лет до рождения Дейка. Прямо под часами висела любительская фотография - с нее смотрели тусклые глаза оленя, подстреленного чьим-то дедушкой. Раздавались удары, стук бильярдных шаров и шарканье ботинок по линолеуму - это кто-то из игроков наклонялся для удара. Откуда-то сверху, из-за зеленых абажуров, на тонкой нити, усеянной бумажными рождественскими колокольчиками, свешивалась мертвая роза. Дейк оглядел захламленную комнату. Никакого визуализатора.

- Еще кого-то принесло, - раздался чей-то голос.

Дейк обернулся и встретился со спокойным взглядом лысого человека в стальных очках.

- Меня зовут Клайн. Бобби Граф. Ты не похож на любителя погонять шары, мистер.

Ни в позе, ни в голосе Бобби Графа не было ни-

чего угрожающего. Он снял с носа очки и протер толстые линзы. Он напоминал продавца, который когда-то пытался научить Дейка пользоваться устаревшей биокомпьютерной установкой.

- Я играю на деньги, - улыбаясь, продолжал Бобби. У него были белые пластмассовые зубы. - Я знаю, что не очень-то похож.

- Я ищу Крошку, - сказал Дейк,

- А-а, - Граф водрузил на нос очки. - Его здесь нет. Он отправился к себе, чтобы ему почистили гальюн. Но он все равно не стал бы с тобой летать.

- Почему?

- Да потому, что ты не из нашей компании, иначе я бы знал тебя в лицо. Кто-нибудь другой подойдет? - Дейк кивнул, и Бобби Граф крикнул кому-то в глубине зала: - Эй! Кларенс! Выноси визуализатор! К нам пришел летун.

Двадцать минут спустя, потеряв не только наличность, но и "Батанг", Дейк шагал мимо изувеченных солдат из "Дешевой распродажи".

- А теперь я скажу тебе кое-что, парень, - отечески произнес Бобби Граф, когда, обнимая Дейка за плечи, провожал его к лифту. - Тебе не выиграть у настоящих ветеранов, слышишь? Я не особенно хорош всего-навсего старый морпех, побывавший в переделках пятнадцать, может, двадцать

раз. А старина Крошка, он - пилот. Он всю службу провел в боях. У него водянка, ему по-настоящему плохо... И не старайся его победить.

Была прохладная ночь. Но Дейк пылал от гнева и унижения.

- Господи, примитив какой, - заметила Нэнси, когда "спад" обстрелял груды розового белья. Дейк закашлялся от злости и сорвал с головы ее шикарное устройство дистанционного управления фирмы "Браун".

- Так, может, ты разберешься и с моим делом, мисс богатая сучка, которая-собирается-получить-работенку...

- Послушай! Это не от тебя зависит: просто твоя игрушка - обычная штамповка. У тебя совершенно примитивная дискета. Может, на улице такой уровень и сойдет. Но по сравнению с моей работой - это тьфу. Давай я ее тебе перепишу.

- Что перепишешь?

- Твою программу. Эти дешевки пишут шестнадцатеричным кодом, потому что промышленные программисты - смирившиеся компьютерные неудачники. Они так думают. Дай мне дискету, я ее проанализирую, отредактирую, внесу изменения и переведу на современный язык. Уберу все лишние переходы. Это подгонит систему и умень-

шит цикл вдвое. Поэтому ты сможешь летать быстрее и лучше. Я сделаю из тебя настоящего профессионала. Аса!

Нэнси схватила ведро и ударила в него, как в барабан. Расхохоталась, а потом закашлялась.

- Это можно? - не веря своим ушам, поинтересовался Дейк.

- Как, по-твоему, почему люди покупают устройства с золотыми контактами? Ради престижа? Черта с два! Высокая проводимость на несколько наносекунд ускоряет реакцию. Скорость реакции - вот правильное название игры, дружок!

- Нет, - упорствовал Дейк. - Если бы все было так просто, то у всех давно уже были бы такие фиговины. И у Крошки Монтгомери была бы. У него давно все самое лучшее.

- Ты будешь слушать? - Нэнси резко поставила помойное ведро, грязная вода выплеснулась на пол. - Оборудование, на котором я работаю, на три года обогнало все, что можно найти на улице.

- Не заливай, - сказал Дейк после длительной паузы. - Ты действительно можешь это сделать?

Новая программа отличалась от предыдущей, примерно, как "форд" двадцатых годов от девяносто третьего "лотоса". "Спад" повиновался, как во сне, слушаясь тончайших мозговых импуль-

сов. За несколько недель Дейк научился лихо выполнять фигуры высшего пилотажа. Он летал с местными подростками - и одиночными самолетами, и тройками, и каждый раз неизменно побеждал. Дейк испытывал судьбу. А аэропланы все кружились в воздухе...

Однажды, когда Дейк прятал очередной выигрыш, от стены отделился долговязый негр. Он поглядел на бумажки в руках Дейка и презрительно ухмыльнулся. Сверкнул рубиновый зуб.

- Знаешь, - сказал негр, - услышал я, что здесь завелся некий умник, который умеет летать, но забавляется с детишками...

- Господи, - произнес Дейк, намазывая масло на кусок хлеба из водорослей, - я пол вытер этими гавриками. А они тоже хорошие пилоты.

- Чудно-чудно, дорогуша, - пробормотала Нэнси. Она работала над дипломом и как раз вводила данные в машину.

- Знаешь, я думаю, что у меня настоящий талант на подобное дерьмо. Я имею в виду, программа действительно расширила мои возможности, но ведь я и сам парень не промах. Я и вправду здорово напрактиковался, понимаешь?

Машинальным движением Дейк включил радио. Наглой медью завыл диксиленд.

- Эй, - запротестовала Нэнси. - Ты соображаешь? Я же работаю.

- Да я только... - Он повертел ручку, и из приемника полилась какая-то медленная романтическая гадость. - Вот. Ну, вставай. Давай потанцуем.

- Ты же знаешь, я не могу...

- Конечно, можешь, солнышко.

Он бросил ей огромного плюшевого медведя, а сам подхватил с пола платье, пошитое из лоскутов. Зажал воротник под подбородком и взял платье за пояс и за рукав. Платье пахло пачули и - чуть-чуть - потом.

- Смотри. Я стою здесь - ты стоишь там. Мы танцуем. Идет?

Смущенно моргая, Нэнси встала и крепко прижала к себе медведя. А потом они медленно танцевали, глядя друг другу в глаза. Вскоре она заплакала. Но при этом улыбалась.

Дейк грезил наяву, воображая себя Крошкой Монтгомери, проводами связанным с истребителем вертикального взлета. Малейшие нервные импульсы передавались машине, рефлексы ускорились и изменились, а по сосудам растекался стимулятор.

Пол в комнате Нэнси стал джунглями, кровать - плато в Андском нагорье. Дейк форсировал

скорость "спада", как будто это была начиненная электроникой боевая машина.

Компьютеризованное чудо управляется слабыми сигналами, идущими от мощного усилителя, который связан с системой кровообращения пилота. Датчики вживлены прямо в голову - и, закладывая виражи в зелено-голубых небесах над тропическими лесами Боливии, Крошка будто чувствует воздушный поток, который обтекает управляющие плоскости истребителя.

Внизу сквозь джунгли продирается пехота. У солдат над локтем укреплены инъекторы - для того чтобы придать им в бою ярость обреченных, - жидкий ад в голубом пластмассовом пузырьке. Вероятно, за десять минут они получили недельную дозу "дряни". Полет над самыми верхушками деревьев требует неимоверного нервного напряжения, зато наземные войска могут подстрелить тебя только прямо над собой. Но тогда уже поздно, сбрасываются фосгеновые бомбы, и самолет улетает еще до того, как его успевают взять на мушку... конечно, поэтому требуется постоянный приток стимулятора в организм. Да и прямой нейронный интерфейс с самолетом работает в обе стороны. Не только вы управляете самолетом, но и бортовые компьютеры вмешиваются

в биохимические процессы, отслеживая, когда необходимо включить человеческий компонент в убийственное напряжение боя.

А такие дозы проедают в тебе дыры. Медленно, непрерывно... наверняка... Гравируют извилины мозга, стирая межклеточные мембраны. И если тебя вовремя не сдернут с небес, то кончишь разжижением мозгов. Только вот реакции останутся слишком быстрыми, чтобы тело могло с ними управляться, а рефлекс "стреляй-беги" вбит в тебя слишком прочно...

- Эй, работяга, мне повезло!

- А? Что? - Дейк вздрогнул.

Громко хлопнув дверью, вошла Нэнси и швырнула сумку на ближайшую кучу.

- Мой проект. Меня освободили от экзаменов. Проф сказал, что никогда не видел ничего подобного. Ох, убери яркость, а? Эти краски глаза режут.

Дейк подчинился.

- Ну, покажи. Продемонстрируй свое творение.

- Ладно. - Девушка взяла у него "Браун", освободила место на кровати и приготовилась. Внутри голубого пламени, спокойно мерцавшего на ее ладони, вспыхнула яркая искра и выросла в змейку с треугольной головой и беспрерывно

высовывающимся язычком. Змейка серебристой молнией метнулась по руке, обвилась вокруг шеи, переливаясь красным и оранжевым, а затем заскользила между грудей.

- Я назвала ее "огненная змейка", - гордо сказала Нэнси. Дейк приблизился, она отпрянула.

- Извини. Она вроде твоего пламени, да? То есть она тоже из крошечных человечков?

- Вроде того. - "Огненная змейка" перетекла на живот. - В следующем месяце я собираюсь свести в единую программу двести подпрограмм типа пламени. Потом я сделаю их самофокусирующимися. Поэтому они смогут крутиться вокруг тебя сами по себе. С ними можно будет справиться даже в танце.

- Может, я болван, но если ты еще не сделала работу, как я могу ее видеть?

Нэнси захихикала:

- Это лучшая часть - полработы еще не готово. У меня не было времени собрать куски в одну программу. Включи радио, а? Я хочу потанцевать.

Она сбросила туфли. Дейк врубил какую-то попсу. Нэнси запротестовала, и он убавил громкость почти до шепота.

- Я раздобыла две дозы "дряни". Смотри. - Она вскочила на кровать и сплела руки, как ба-

лийская танцовщица. - Ты когда-нибудь это пробовал? Невероятно! Дает ощущение полной концентрации. Смотри. - Она встала на пуанты. - Никогда раньше такого не делала!

- "Дрянь", - произнес Дейк. - Последний человек, от которого я слышал это слово, провел три года в пехоте. Где ты ее взяла?

- Помогала одной ветеранше из выпускного класса. Но ее вытурили в прошлом месяце. Это активизировало мое воображение. Я могу с закрытыми глазами представить проект во всех деталях. И полностью достроить программу в голове.

- На двух дозах, да?

- На одной. Другую я берегу. На профа это произвело такое впечатление, что он хочет организовать мне собеседование с работодателем. Через две недели в колледж приедет представитель "ИГ Фойхтварен". И этот друг собирается запродать ему программу вместе со мной Я, таким образом, закончу колледж на два года раньше, сразу получу работу, не буду ходить в эту тюрьму и сэкономлю двести долларов.

Змейка свернулась на ее голове в огненную корону. У Дейка появилось предчувствие, что он теряет Нэнси.

- Я ведьма, - распевала Нэнси,- ведьма программирования.

Она стянула рубашку через голову и откинула прочь. Красивая высокая грудь двигалась вольно и изящно.

- Я пойду-у-у... - теперь она распевала очередной хит, - к верши-и-не!

Соски были маленькие, розовые и твердые. Огненная змейка касалась их и отползала в сторону.

- Эй, Нэнси, - смущенно сказал Дейк. - Поостынька, а?

- У меня праздник! - она сунула большой палец в блестящие золотые трусики. Огонь завертелся вокруг руки.

- Я богиня-девственница, у меня си-и-ила! - снова запела она.

Дейк отвернулся.

- Я домой,- смущенно пробормотал он. Домой и сваливать, да побыстрее. Он гадал, где она могла спрятать вторую дозу.

Да где угодно.

В их компании существовали свои церемониальные правила - точь-в-точь как при дворе китайского императора, - и своя система иерархии. Неважно, что Дейк стал крутым, что слава

его разнеслась как пожар. Одного лишь звания летуна не хватало, чтобы сразиться с тем, с кем он хотел. Ему было необходимо постепенно поднимать свой рейтинг. Но если летать каждый вечер, если летать со всеми подряд. И если летать хорошо... можно быстро достичь успеха.

У Дейка был перевес в один самолет. Обычный турнирный бой, трое на трое. Зрителей было немного, может, дюжина, но бой был хорош, и зрители шумели. Дейком овладело маниакальное спокойствие бойца - и вдруг он понял, что в зале наступила тишина. Он заметил, что болельщики засуетились и стали перемигиваться. Они смотрели не на него. Дейк хладнокровно разделался со вторым аэропланом противника, а затем рискнул быстро взглянуть через плечо.

В "Джекмане" появился Крошка Монтгомери. Каталка, направлявшаяся слабыми движениями почти парализованной руки, прошуршала по бурому линолеуму. Лицо Крошки оставалось строгим, невозмутимым, спокойным. В этот момент Дейк потерял два аэроплана. Один по рассеянности - как только ослабло внимание, аэроплан мгновенно расплылся в мутное пятно и визуализатор его потерял, а второй потому, что его противник был настоящим бойцом. Чтобы

погасить скорость и уйти в сторону, парень сделал "бочку" и, когда преследовавший самолет пронесся мимо, расстрелял вражеский биплан. Самолет упал, объятый пламенем. Оставшиеся два аэроплана начали терять высоту и скорость. Стараясь занять выгодную позицию, они начали выделывать фигуры высшего пилотажа.

Болельщики расступились, и Крошка подъехал к столу. За коляской притащился долговязый Бобби Граф Клайн. Дейк и его противник, обменявшись быстрыми взглядами, увели самолеты подальше, чтобы выслушать Крошку. Тот улыбался. Его маленькие глазки, нос и рот теснились посреди бледного рыхлого лица. Палец слабо постукивал по хромированному подлокотнику.

- Я слышал о тебе. - Он смотрел прямо на Дейка. У него был нежный и потрясающе приятный голос маленькой девочки. - Я слышал, ты хороший боец.

Дейк медленно кивнул. С лица Крошки исчезла улыбка. Его мягкие пухлые губы сложились в трубочку, будто ожидали поцелуя. Маленькие яркие глазки беззлобно изучали Дейка.

- Что ж, давай посмотрим, что ты умеешь.

Дейк отдался холодному духу войны. А когда враг, охваченный огнем и дымом, взорвался над

столом и исчез, Крошка безмолвно развернулся, вкатил кресло в лифт и уехал.

Когда Дейк собирал свой выигрыш, к нему подошел Бобби Граф и сказал:

- Он хочет с тобой сыграть.

- Да? - среди местных летунов Дейка еще не считали настолько хорошим пилотом, чтобы сражаться с Крошкой. - Что за треп?

- Завтра с Крошкой должен был сразиться человек из Атланты, но он не приехал. А старина Крошка хочет сыграть с кем-нибудь новеньким. Получается, что тебе завтра предстоит побороться за "Макс".

- Завтра? В среду? Даже времени мне на подготовку не дает!

Бобби Граф снисходительно улыбнулся:

- Не думаю, что есть какая-то разница.

- Как так, мистер Граф?

- Парень, ты просто не сечешь. Слышишь? Ты же ничего нового не выкинешь. Ты летаешь как новичок, только быстрее и глаже. Догадываешься, что я хочу сказать?

- Правду сказать, не очень. Вы хотите на этом подзаработать?

- Точно, - сказал Клайн. - Надеюсь.

Он вытащил из кармана черную записную

книжечку и послюнявил карандаш.

- Даю тебе пять к одному. Все равно никто не даст тебе больше.

Он смотрел на Дейка почти с жалостью.

- А Крошка, он по природе лучше, чем ты, а против природы не попрешь, мальчик. Крошка живет только благодаря этой чертовой игре. Он же не может встать с этой проклятой каталки. И если ты думаешь, что можешь победить человека, борющегося за жизнь, - ты лжешь самому себе.

"Портрет полковника" работы Нормана Рокуэлла бесстрастно взирал на Дейка из "Кентукки Фреда" с противоположной стороны улицы. Дейк сидел в кафе и трясущимися холодными руками держал чашку. Голова гудела от усталости. "Клайн прав, - сказал он полковнику, - я могу сразиться с Крошкой, но не смогу выиграть". Полковник смотрел спокойно, ровно и не особенно добродушно, охватывая взглядом и кафе, и "Дешевую распродажу", и все это засранное королевство Ричмондского шоссе. Полковник ждал, когда Дейк примирится с ужасной вещью, которую вынужден будет сделать.

- Все равно эта сучка меня бросит, - громко произнес Дейк. Чернокожая продавщица кинула на него веселый взгляд и отвернулась.

- Звонил папочка! - Нэнси, танцуя, вошла в комнату и захлопнула за собой дверь. - Знаешь что? Он сказал, что, если я получу работу и проработаю полгода, меня раскодируют. Представляешь, Дейк? - Она запнулась. - Ты чего?

Дейк встал. Теперь, когда настал нужный момент, он чувствовал, что все вокруг нереально, как на киноэкране.

- Как это вышло, что ты не пришел вчера домой? - спросила Нэнси.

Кожа на его лице натянулась неестественно, как пергаментная маска.

- Где ты заначила "дрянь", Нэнси? Она мне нужна.

- Дейк, - она искательно улыбнулась, но улыбка мгновенно исчезла. Дейк, это мое. Моя доза. Мне надо. Для собеседования.

Он презрительно улыбнулся:

- У тебя есть деньги. Еще надыбаешь.

- Не к пятнице! Слушай, Дейк, это, правда, важно. Моя жизнь зависит от этого собеседования. Мне страшно нужна "дрянь". Это все, что я смогла достать!

- Детка, это блядский мир, в котором ты живешь! Взгляни вокруг: шесть унций светлого ливанского хаша! Консервированные анчоусы. А

если приперло полная медицинская страховка. - Она пятилась от него, спотыкаясь о неподвижные волны грязного белья и мятых журналов, которые вздымались в футе от кровати. - А я всего этого и в глаза не видел. Мне всегда не хватало злости, чтобы жить среди вас. А на этот раз все будет по-моему. Через два часа игра, и я его по стенке размажу.

Дейк вгонял себя в ярость. Это было хорошо. Ему нужна была ярость.

Нэнси выбросила руку ладонью вперед, но Дейк был готов к этому - он отбил ладонь, стараясь даже мельком не глянуть в темный туннель с маленькими красными глазками. Они оба упали, Дейк оказался над девушкой. Он чувствовал на лице горячее торопливое дыхание.

- Дейк! Дейк! Мне очень нужно! Дейк!.. Мое собеседование... это только... я должна... должна... - она отвернулась и заплакала в стенку. Пожалуйста... Господи, пожалуйста... не надо...

- Куда ты ее спрятала?

Прижатая к кровати его телом, Нэнси забилась в судороге. Все ее тело тряслось от боли и страха.

- Где она?

Ее обескровленное лицо стало серой плотью трупа, в глазах застыл ужас. Губы тряслись в

безумном страхе. Он преступил грань, слишком поздно отступать. Дейк чувствовал отвращение и тошноту, тем более что на неожиданном и нежеланном уровне все это ему нравилось.

- Где она, Нэнси? - и он медленно, очень нежно, стал гладить ее лицо.

Палец Дейка взметнулся стремительно, как оса, и изящной бабочкой опустился на кнопку лифта в "Джекмане". Дейка переполняла упругая энергия, и эта энергия была под контролем. В лифте он стянул темные очки и порадовался своему отражению в захватанной хромированной поверхности. Зрачки стали, как булавочные уколы, почти невидимыми, но мир оставался неоново-ярким.

Крошка уже ждал. Он увидел радужки Дейка, преувеличенное спокойствие движений, безуспешные попытки подражать трезвой неуклюжести. Губы инвалида сложились в сладкую улыбочку.

- Ну, - сказал Крошка своим девчоночьим голосом, - похоже, меня ждет угощенье.

"Макс" висел на одной из трубок кресла. Дейк занял свое место и поклонился - чуть-чуть насмешливо.

- Полетели!

Как претендент, он защищался. Дейк материализовал аэропланы на безопасной высоте: достаточно высоко, чтобы спикировать, и достаточно низко, чтобы спастись от атак Крошки. Он выжидал.

Его окружила толпа. Толстяк с набриолиненными волосами уставился на него с испугом, работяга с ввалившимися глазами пытался улыбнуться. Шепот усиливался. Заторможенный взгляд медленно скользил по головам зрителей. Примерно три наносекунды, чтобы определить источник атаки. Дейк вскинул голову и...

Сукин сын! Дейк ослеп. "Фоккеры" пикировали прямо от двухсотваттной лампы. Крошка обвел его вокруг пальца, заставив глядеть прямо на нее. В глазах побелело. Дейк зажмурился, сдерживая хлынувшие слезы, и неистово продолжал бой. Он разделил свое звено, развернув два биплана направо, а один налево. Все аэропланы резко завалились на крыло, но выровнялись. Дейку приходилось уворачиваться наугад - он не знал, где находятся боевые птицы врага.

Крошка захихикал, Дейк слышал его сквозь шум толпы. Синкопы одобрений, проклятий, звона монет, казалось, вздымались волнами независимо от приливов и отливов дуэли.

Спустя мгновение к нему вернулось зрение, но объятый пламенем "спад" падал. Два "фоккера" преследовали один из уцелевших аэропланов, а третий гнался за другим. Всего три секунды боя, а он уже потерял один самолет.

Уворачиваясь от игольчатых трассеров, Дейк вогнал один аэроплан в мертвую петлю, а другой направил к слепому пятну между Крошкой и лампой.

Лицо Крошки стало бесстрастным. Легкая тень разочарования, даже презрения, растворилась в напряженном спокойствии. Он неторопливо вел самолеты, выжидая, когда Дейк развернется.

"Спад" Дейка вынырнул из слепого пятна и кинулся в атаку; отстреливаясь, "фоккеры" бросились в отчаянные виражи и закрутились, пытаясь восстановить позиции.

"Спад" спикировал на третий "фоккер" и вытолкнул его под огонь другого аэроплана Дейка. Пламя лизнуло крылья и пурпурный фюзеляж. Ничего не случилось, и на какое-то мгновение Дейк даже подумал, что промахнулся. Но маленькая красная стрекоза крутанулась влево и, оставляя черный хвост жирного дыма, пошла вниз.

Крошка нахмурился, вокруг его рта появились

чуть заметные морщинки неудовольствия. Дейк улыбнулся. Он сбил самолет, несмотря на превосходящие силы Крошки.

Но у "спадов" "на хвосте" висели противники, Дейк развел свои аэропланы по разные стороны стола и развернул. Он направил их навстречу друг другу, нейтрализуя Крошкино преимущество... но никто не мог стрелять, не рискуя собственными самолетами. Направляя машины нос к носу, Дейк разогнал их до предела.

За миг до катастрофы он послал аэропланы один выше другого, уворачиваясь и одновременно открывая по "фоккерам" огонь. Но Крошка был готов к маневру. Воздух наполнили трассы очередей, Два аэроплана - голубой и красный - свободно разлетелись в разные стороны. Позади них высоко в воздухе сплелись два других. Они столкнулись крыльями, завертелись и почти отвесно упали на зеленый войлок.

Десять секунд и четыре сбитых самолета. Негр-ветеран поджал губы и тихонько присвистнул. Кто-то с недоверием покачал головой.

Крошка, выпрямившись и чуть подавшись вперед, сидел в кресле-каталке напряженный немигающий взгляд, дряблые руки слабо ухватились за поручни. Для него не существовало

больше это забавляющееся и безразличное дерьмо, его внимание приковала к себе игра. Болельщики, стол, даже "Джекман" - для него это не существовало. Бобби Граф положил Крошке руку на плечо, но тот не заметил. Аэропланы разошлись в противоположные стороны и упорно набирали высоту. Дейк прижимал свою машину к потолку, почти неразличимому в туманной дымке. Он быстро глянул на Крошку. Их взгляды встретились. Холод против холода.

- Покажи, на что ты способен,- процедил Дейк сквозь зубы.

Самолеты бросились в атаку одновременно.

Действие наркотика ослабло, и Дейк увидел рассекающие воздух трассеры вражеского самолета. Надо было вывести "спад" на линию огня, дать очередь, сразу же развернуться и сделать вираж, чтобы уклониться от огня "фоккера". Крошка так разошелся, что, уклоняясь от выстрелов Дейка, едва не задел шасси "спада".

Галлюцинации начались, когда Дейк вел свой "спад" в очень рискованном вираже. Зеленый войлок стола задрожал, завертелся - и стал зеленым адом боливийской сельвы, над которой воевал Крошка. Стены отступили в серую бесконечность, он почувствовал сомкнувшуюся вокруг

тесную металлическую скорлупу истребителя.

Но Дейк все это предвидел. Он ждал галлюцинаций и знал, что с ними нужно делать. Военные никогда не пропустят наркотик, лишающий боеспособности. "Спад" и "фоккер" разворачивались для следующей атаки. Дейк читал в лице Крошки Монтгомери напряжение - эхо давних сражений в высоком небе над джунглями. Они одновременно повели самолеты, чувствуя динамические перегрузки корпуса, что передавались сенсорами прямо в затылочную часть мозга, адреналиновый инъектор, прикрепленный над локтем, холодную, быструю свободу воздушного потока вокруг плоскостей истребителей, пахнущих горячим металлом, потом и страхом. Мимо лица Дейка пронеслись трассеры, он отпрянул, глядя, как его "спад" взмыл свечкой, едва не столкнувшись с "фоккером". Болельщики взбесились, они махали шапками и топали ногами как одержимые. Дейк снова поймал взгляд Крошки.

Он почувствовал, как на него накатывает подлая волна. И хотя каждый нерв был натянут, как усики из кристаллического углерода, которые не давали истребителю развалиться на части в суперменских виражах над Андами, он выдал небрежную улыбку и подмигнул, чуть дернув

головой в сторону, будто говоря: "Глянь-ка сюда".

Крошка отвел глаза.

Он отвлекся всего на долю секунды, но этого хватило. На пределе теоретического допуска Дейк совершил такой короткий и стремительный "иммельман", который вряд ли видели окрестные пилоты, и повис у Крошки на хвосте.

Посмотрим, как ты выпутаешься, простофиля.

Крошка рванул аэроплан вниз, прямо к зелени, но Дейк от него не отставал. Он не торопился открывать огонь. Он мог прикончить Крошку везде, где вздумается.

Погоня. Точно такая же, как в бою. Погоня пугала, хотя, возможно, и была веселым и захватывающим занятием. Аэропланы снизились над войлоком, как над верхушками деревьев. "Разобьемся", - подумал Дейк и сбавил скорость. Краем глаза он заметил Бобби Клайна, забавное выражение его лица. Умоляющее. Спокойствие Крошки было сломлено. Его дергающееся лицо было искажено мучением.

Теперь Крошка запаниковал и направил самолет в толпу. Бипланы петляли и вились среди болельщиков. Одни невольно отшатывались, а другие со смехом прихлопывали их ладонями. В глазах Крошки отражался безумный ужас, гово-

рящий о преисподней страха и безысходности, двух лезвиях, бесконечно распиливающих друг друга...

Страх в полете был смертью, безысходность - заключением в металл, сначала в кабине самолета, а потом в инвалидном кресле. По лицу Крошки Дейк читал, что бой - единственное, что еще у него оставалось, но он уже использовал все свои шансы. С тех пор как какой-то безымянный герильеро с древней ракетной установкой на плече сбросил его с сине-зеленого боливийского неба прямо на Ричмондское шоссе, в "Джекман", к мальчишке-убийце, улыбающемуся над вытертым сукном - и эта улыбка будет последним видением в его жизни.

Дейк привстал на цыпочки. На его лице сияла улыбка в миллион долларов. Эта улыбка была торговой маркой наркотика, который сжег Крошку еще до того, как кто-нибудь побеспокоился бы превратить его в горячее месиво из металла и изувеченной плоти. Все сошлось. Дейк увидел, что полет был всем, что держало Крошку. Ежедневно касаниями пальцев он боролся со смертью, восставал из металлического гроба... снова живым... Крошка избегал гибели только силой воли. Сломай эту волю - смерть выльется и

затопит его. Калека страстно желал наклониться и вырваться из своего круга...

И Дейк довел это желание до конца...

Когда последний аэроплан Крошки исчез во вспышке света, наступила оглушительная тишина.

- Я выиграл, - прошептал Дейк. И громче: - Сукин сын! Я выиграл!

С другой стороны стола в своем кресле извивался Крошка: руки судорожно хватали воздух, голова свесилась на плечо. Из-за его спины на Дейка горящими углями глаз смотрел Бобби Граф.

Рефери сорвал "Макс" и обернул его лентой кучу бумажек. Без предупреждения бросил пачку в лицо Дейку. Тот легко и небрежно поймал ее на лету.

Мгновение казалось, что Клайн бросится на Дейка, прямо через стол. Его остановило подергивание за рукав.

- Бобби Граф,- прерывисто от унижения прошептал Крошка, - увези меня... отсюда...

Зло задыхаясь, Клайн развернул друга и покатил из зала... во тьму...

Дейк откинул голову и засмеялся. Ей-богу, он отлично себя чувствовал! Холодный "Макс"

приятно оттягивал карман рубашки. Деньги он сунул в джинсы. Он готов был прыгать от счастья. Радость вырывалась из него, как прекрасный и сильный зверь, которого он видел как-то раз из окна автобуса. Из-за этого на мгновенье показалось, что боль и страдания, через которые он прошел, стоили последней победы.

Но "Джекман" затих. Никто не аплодировал. Никто не окружал, чтобы поздравить его с победой. Дейк умолк и настороженно повел глазами: вокруг были одни враждебные лица. Никто из болельщиков не был на его стороне. Они излучали презрение, даже ненависть. Бесконечно долгий миг воздух дрожал от возможного насилия... затем кто-то отвернулся, откашлялся и сплюнул на пол. Толпа распалась. Переговариваясь, один за другим, они растворились в темноте.

Дейк не шевелился. На ноге стала дергаться мышца - предвестник "ломки". Онемела макушка, во рту появился мерзкий привкус. На секунду Дейк обеими руками вцепился в стол, чтобы не упасть навеки вниз, в живую тень, копошащуюся под ним, когда его насквозь пронзил мертвый взгляд оленя с фотографии под часами.

Немножко адреналина - это его вытащит. Ему нужен праздник. Напиться до бесчувствия и

рассказывать друзьям о своей победе, противоречить самому себе, выдумывать подробности, смеяться и хвастать. Такая звездная ночь, как эта, требовала долгой беседы.

Но, стоя среди безмолвия и безбрежной пустоты "Джекмана", Дейк вдруг осознал, что не осталось никого, кому он мог бы все это рассказать.

Совсем никого.